

«ИСЛАМСКАЯ ЭКОНОМИКА»: ПРИМЕР КОНСТРУИРОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ

Э.А. ПАИН,

доктор политических наук, профессор кафедры
государственной и муниципальной службы
Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики,
генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований,
ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, г. Москва,
e-mail: painea@mail.ru

Данная статья носит, прежде всего, просветительский характер. Она мотивирована желанием автора познакомить читателей, профессиональных экономистов, с малоизвестной в России концепцией «изобретенных традиций», которая может быть ключом к пониманию глобального феномена «ретрадиционализации», затронувшего на рубеже XX–XXI веков элитарные слои разных стран мира. Феномен исламской экономики рассматривается как частный случай конструирования традиций. В меньшей мере и с меньшей уверенностью автор анализировал эффективность исламской экономики в сравнении с рыночной «мейнстримовской» экономикой, поскольку не является профессиональным экономистом.

Ключевые слова: «изобретенные традиции»; конструирование традиций; нововведения; «исламская экономика».

«ISLAMIC ECONOMY» AS AN EXAMPLE OF TRADITIONS' CONSTRUCTION

E.A. PAIN,

Doctor of political sciences (DSc), Professor of
the Department of State and Municipal Management of the
National Research University Higher School of Economics,
General manager of the Center for Ethnopolitical and Regional Studies,
Leading staff scientist of the Institute of Sociology of the
Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: painea@mail.ru

The article under discussion is above all of enlightening character. The author focuses on the «invented traditions» concept unpopular in Russia. Professional economists are supposed to get acquainted with the concept which may appear to be the key instrument for understanding of the global phenomenon of «retraditionalization», affected elite groups in different countries at the turn of XX–XXI centuries. Islamic economy phenomenon is considered to be the particular case of traditions' construction. Far from being a professional economist, the author analyses the Islamic economy's effectiveness compared to the market «mainstream» economics with much less self-confidence.

Keywords: «invented traditions»; construction of traditions; innovations; the «Islamic economy».

JEL classification: B52, N35, Z12.

Историк и теоретик антропологии Э. Хобсбаум ввел в научный оборот термин «изобретенные традиции» (*Hobsbaum and Ranger, 1983. P. 1-2*). Термин этот броский и уже поэтому привлекаящий в 1980–1990-е гг. внимание англоязычных обществоведов к книге под редакцией Хобсбаума. Однако, на мой взгляд, термин этот не вполне адекватен описанным в ней явлениям. Их нельзя назвать

чистым изобретением, скорее это так называемые «новоделы» – неточные копии реальных исторических традиций или связанные с ними реплики, римейки. Было бы точнее называть такие явления **конструированием, сборкой квазитрадиций** из фрагментов реальных традиций. Это незначительное мое дополнение никоим образом не умаляет главной идеи рассматриваемой книги – **идеи легитимации нововведений через придание им образа естественных традиций**. Эта находка Э. Хобсбаума чрезвычайно плодотворна.

Можно лишь сожалеть о том, что феномен, описанный в книге Э. Хобсбаума в 1980-х гг., и сегодня мало освоен в российской науке, хотя подход с позиций конструирования традиций позволяет устранить кажущуюся противоречивость в понимании многих современных процессов. Например, с его помощью как раз и можно объяснить странный поворот молодежи в ряде стран к традиционализму. Дело в том, что зачастую нормы, которые она поддерживает, лишь *кажутся* традиционными. На самом же деле они представляют собой типичный «новодел»: это – *новации, переодетые в традицию*. Таков, в частности, исламский фундаментализм. Известные мусульманские теологи (например, Фетхулла Гулен) утверждают, что современный политически ангажированный исламский фундаментализм вовсе не традиционен, – напротив, это новое изобретение, во многом искажающее основу ислама (Guilen, 2004). На Северном Кавказе салафитский ислам вступил в военное противоборство с традиционным для этих мест суфийским исламом.

Заметна квазитрадиционная природа многих современных форм русского этнического национализма, одними из первых носителей которого в молодежной среде России были так называемые «скинхеды» – движение, полностью заимствовавшее свое название, символику и идеологию у молодежных радикальных группировок стран Западной Европы. Лишь в начале 2000-х гг., часть этих организаций стала рядиться в одежды русских национальных организаций, что проявилось главным образом в их переименованиях. Если в 1990-х гг. преобладали организации с названиями типа Blood&Honor, то в 2000-х стало больше организаций с названиями, подчеркивающими их национальный русский характер: «Русская гвардия», «Русский кулак», «Русский порядок»... Эти проявления русского радикального национализма (зачастую, расизма), как и начало движения исламского фундаментализма, отразили типично молодежные, совсем не традиционные, а скорее революционные (во всяком случае, протестные) настроения, облаченные в форму национальных традиций.

Проведенные мной исследования показали, что российская молодежь, лидировавшая в 1990-х в проявлениях этнической толерантности, в начале нового тысячелетия обогнала представителей старших возрастных групп в проявлениях архаичных стереотипов предубежденности в отношении иных этнических групп (Паин, 2003; Паин, 2004. С. 186). Подобная тенденция проявилась в свое время и в арабских странах. Здесь срыв модернизационных процессов в результате экономических спадов и геополитических потрясений стимулировал в 1980-е гг. подъем исламского фундаментализма, инициатором и проводником распространения которого выступила молодежь (Marshall S.E. and Stokes R.G, 1981).

Рост интереса к архаике у немалой части молодежи в периоды усталости от экономических реформ или их провала отмечается в разных странах, и сам по себе этот факт не вызывает сомнений. Вопрос лишь в том, правомерно ли считать такие перемены настроений возвратом к традициям. На мой взгляд, отмеченные явления характеризуют иное явление, которое можно назвать **конструированием традиций**.

По мнению Э. Гидденса, большинство явлений, которые ныне воспринимаются массовым сознанием как традиция, в действительности являются «новоделами», вольными копиями прошлого опыта или даже имитацией традиций. Собственно говоря, даже в подлинно традиционных обществах межпоколенная передача опыта могла сопровождаться искажениями и потерями. В современных же условиях в качестве традиций чаще всего воспринимаются не столько аутентичные трансляции прошлых практик, сколько их интерпретации и селекция. Это то, что известный методолог исторической науки Пьер Нора назвал «воображаемым прошлым» (Nora, 1994. P. 289).

Нередко селекция прошлого осуществляется с целью легитимации экономических и организационных новшеств, **акцентирования их местного, национального происхождения**. Например, знаменитая философия японского менеджмента («корпорация – семья»), зачастую воспринимающаяся иностранцами как символ использования в экономике древних национальных традиций, сложилась совсем недавно из эксперимента конкретного изобретателя К. Мацуситы¹. За пределами кор-

¹ Коносука Мацусита (1894-1989) – японский предприниматель, основатель компании «Мацусита Электрик», владелец торговых марок Panasonic, Technics, National. В 1929 г., в период начавшейся экономической депрессии, на складах его компании скопилось огромное количество нераспроданных товаров, однако хозяин не стал увольнять работников, позволив им работать полдня при сохранении прежней зарплаты. За это все работники, а также их родственники и друзья должны были заняться выкупом и распродажей продукции компании, что и позволило компании Мацуситы пережить трудные времена кризиса. Впоследствии, уже после 1945 г., Мацуситой была обоснована новая философия японского менеджмента – «корпорация как семья».

порации Мацуситы его управленческие новации, включая систему «пожизненного найма», стали распространяться в Японии лишь во второй половине XX в. Разумеется, эти изобретения в сфере управления опираются на какие-то элементы реальных японских традиций патриархального коллективизма, которые, впрочем, все в большей мере вытесняются из жизни японцев коллективизмом новым, основанным на рационализме и индивидуальной избирательности общения.

Но если японские изобретенные традиции демонстрируют процесс приспособления фрагментов традиционной культуры к нуждам современной экономики, то другой вариант подобного изобретения, а именно, так называемая «исламская экономика», может служить примером *приспособления экономики к вызовам идеологий и растущему в мире спросу на традиционализм*. Шариат издавна накладывал ограничения на экономическую деятельность правоверного мусульманина. Например, он запрещает получение процентов, а также инвестиции в бизнес, содержащий элемент неопределенности (гарара), не говоря уже о запретах участия в бизнесе, связанного с производством алкоголя, табака, свинины или с азартными играми. Но эти запреты и ограничения, существовавшие около тысячелетия, не порождали стимулов к созданию особой «исламской экономики». Она возникла совсем недавно, это – свежая новация.

Первый исламский банк «Мит Гамр Бэнк», работавший на основе беспроцентного финансирования, появился лишь в 1963 г. в Египте. В том же году в Малайзии была учреждена Сберегательная корпорация для мусульманских паломников, помогающая накопить сбережения для совершения хаджа². Потребовалось более двадцати лет, чтобы превратить эти изобретения из локальных экспериментов в глобальное явление. При этом этапы глобализации «исламской экономики» совпадают с этапами развертывания процесса «исламского возрождения», т. е. идеологического, социального и политического движения, направленного на консолидацию населения, исповедующего ислам. Прежде всего, в странах, где эта религия является доминирующей³.

Исламское возрождение – это пример так называемой негативной консолидации по принципу: «Мы – не Они», «Мы – не Запад». Но, на мой взгляд, не столько специфика исламского мира породила движение «исламской солидарности», сколько само это движение, вызванное к жизни совокупностью внешних и внутренних факторов, о которых я говорил выше, породило образы особой исламской цивилизации и «особого пути» исламского мира. Для закрепления этих образов недостаточно было подчеркивания лишь социальных особенностей исламского образа жизни, связанных, например, с повышенным вниманием к соблюдению религиозных обрядов, к особой исламской одежде и другим проявлениям ислама в быту. Главным должно было стать другое, а именно – утверждение особых политических режимов (больше религиозных, чем светских) и особой же «исламской экономики».

Концептуальные основы такой экономики были сформулированы в ноябре 1988 г. на научно-практической конференции, проходившей в Тунисе под эгидой Лиги арабских государств. Первый тезис концепции «исламской экономики» гласит: «Полное право собственности на все, что существует в мире, принадлежит только Аллаху (а через Него – всей мусульманской общине). Человек выступает лишь доверительным собственником имеющих в его распоряжении богатств и благ» (Беккин, 2004). Идею развития «исламской экономики» поддержали нефтедобывающие страны арабского мира, Иран, Малайзия и ряд других государств, но еще более активными ее проводниками стали международные исламские организации, подстегивавшие спрос на традиционализм и обосновывавшие идею «особого пути» исламского мира.

К концу 1980-х гг. три страны (Иран, Пакистан и Судан) объявили о полном подчинении своих экономик нормам ислама. К 2010 г. по заявлению Салеха Камеля, председателя Генерального совета по исламским банкам и финансовым институтам, в мире насчитывалось 270 исламских банков и инвестиционных фондов, активы которых составили 260 млрд долл. И как только появился массовый спрос на финансовые операции с соблюдением норм ислама, к его эксплуатации немедленно подключились крупнейшие финансовые корпорации мира. «Дойче Банк» и «Ситибанк», «Сосьете Женераль», UBS, «Джей Пи Морган» и другие открыли отделения, осуществляющие банковскую деятельность в соответствии с требованиями ислама.

Но у всякого социального конструирования есть пределы возможностей. Вот и такое изобретение, как «исламская экономика», которое хочет выглядеть культурной традицией, сталкивается с необходимостью доказать свою жизнеспособность в сравнении с обычной банковской системой, которая когда-то была западной, а ныне стала универсальной и уже традиционной, воспроизводящейся в разных странах на протяжении нескольких веков. И пока эта конкуренция складывается не в пользу квазитрадиционной системы, покоящейся больше на идеологических, чем на экономических основах.

² По материалам прессы – Gulf News, Qantara.de и др. (Библиотека Islam.ru).

³ Об этом движении см., напр.: (Esposito, 1992; Dessouki, 1982).

В настоящее время из трех стран, объявивших об исламизации своей экономики, таковая сохранилась только в Судане – одной из беднейших стран, не ставшей богаче с внедрением новой системы. К 2008 г. эта страна находилась на 185-м месте в мире по показателю ВВП на душу населения. Иран фактически отказался от «исламской экономики». Даже важнейшая ее составляющая – запрет на использование банковских процентов – не применяется в финансовой системе этой страны. В Пакистане же доля «исламской экономики» составляет всего 5–7% от национальной (Беккин, 2010). В других странах так же сохраняются лишь фрагменты такой экономики – прежде всего, ее финансовая система. Однако и она оказалась менее надежной и более дорогостоящей, чем традиционная. Так, стоимость ипотечного кредитования в исламских банках Англии в три-четыре раза выше, чем в банках традиционных (Беккин, 2010).

Казалось бы, исламская банковская система могла доказать свои преимущества в период финансового кризиса 2008–2009 гг. Этот кризис был вызван в немалой мере международными финансовыми спекуляциями и махинациями, которые недопустимы в исламских банках. В действительности же исламская банковская система пострадала от кризиса не меньше, чем традиционная, хотя бы потому, что финансовая сфера не отделима от других секторов экономики. Например, беспрецедентный кризис в сфере строительства, обрушившийся на страны Персидского залива в 2009 г., немедленно вызвал в этих странах кризис финансовый.

Я не ставил себе задачи подробно анализировать достоинства и недостатки «исламской экономики». Мне этот пример интересен, поскольку он демонстрирует один из множества современных мотивов конструирования традиций – точнее, облачения инноваций в традиционную форму. Слабая укореняемость «исламской экономики» показывает также, что в современном мире приживаемость разных квазитрадиций неодинакова. И меньше всего шансов на выживание у сугубо идеологических конструкторов.

ЛИТЕРАТУРА

Беккин Р. (2004). Исламская экономика: право каждого – благо всех. Библиотека Islam.ru. Доступно на: www.islam.ru.

Беккин Р. (2010). В мире существует только одна страна, где финансовая система полностью исламизирована, – это Судан. Исламская экономика на Кавказе и в Центральной Азии. Выступление в Институте этнологии и антропологии РАН. Доступно на: <http://www.slons.ru/articles/262204/>.

Библиотека Islam.ru. Доступно на: www.islam.ru.

Паин Э.А. (2003). Почему помолодела ксенофобия. О масштабах и механизмах формирования этнических предрассудков. *Независимая газета*, 14 октября.

Паин Э.А. (2004). Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН.

Dessouki A.E.H. (ed.) (1982). *Islamic Resurgence in the Arab World*. New York: Praeger Publishers, 274 p.

Esposito J.L. (1992). *The Islamic Threat: Myth or Reality*. Oxford, New York: Oxford University Press, 352 p.

Gülen M.F. (2004). In *True Islam, Terror Does Not Exist* / In Gülen M.F. (2004). *Terror and Suicide Attacks: An Islamic Perspective*. Somerset, New Jersey: The Light, Inc., pp. 1–9.

Hobsbaum E. and Ranger T. (eds.) (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.

Marshall S.E. and Stokes R.G. (1981). Tradition and the Veil: Female Status in Tunisia and Algeria. *Journal of Modern African Studies*, vol. 19.

Nora P. (1994). Between Memory and History: Les Lieux de Memoire / In Nora P. (1994). *History and Memory in African – American Culture*. Oxford, New York: Oxford University Press.

REFERENCES

Bekkin R. (2004). Islamic Economy: право каждого – благо всех. Библиотека Islam.ru. Доступно на: www.islam.ru. (In Russian.)

Bekkin R. (2010). There's the only Economy in the World with Totally Islamic Financial System, – Sudan. Islamic Economy in the Caucasus and Central Asia. Public speech, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Available at: <http://www.slons.ru/articles/262204/> (In Russian.)

Library Islam.ru. Available at: www.islam.ru. (In Russian.)

Pain E.A. (2003). Why xenophobia got younger. On scale and mechanisms of ethnic prejudices diffusion. *Nezavisimaya gazeta*, October 14. (In Russian.)

Pain E.A. (2004). *Ethnopolitical pendulum. Dynamics and mechanisms of ethnopolitical processes in post-Soviet Russia.* Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian.)

Dessouki A.E.H. (ed.) (1982). *Islamic Resurgence in the Arab World.* New York: Praeger Publishers, 274 p.

Esposito J.L. (1992). *The Islamic Threat: Myth or Reality.* Oxford, New York: Oxford University Press, 352 p.

Gülen M.F. (2004). In *True Islam, Terror Does Not Exist* / In *Gülen M.F.* (2004). *Terror and Suicide Attacks: An Islamic Perspective.* Somerset, New Jersey: The Light, Inc., pp. 1–9.

Hobsbaum E. and *Ranger T.* (eds.) (1983). *The Invention of Tradition.* Cambridge: Cambridge University Press.

Marshall S.E. and *Stokes R.G.* (1981). *Tradition and the Veil: Female Status in Tunisia and Algeria.* *Journal of Modern African Studies*, vol. 19.

Nora P. (1994). *Between Memory and History: Les Lieux de Memoire* / In *Nora P.* (1994). *History and Memory in African – American Culture.* Oxford, New York: Oxford University Press.